

Ах, нелегкая это работа — проблему тянуть из болота

С середины 60—70-х годов прошлого века отношение к болотам было, пожалуй, как к чему-то лишнему в природе. Мол, столько площадей, которые при хозяйском подходе могли бы приносить пользу, став, например, пашнями, площадками для добычи торфа, лесомелиоративными системами. Только вот, как это часто бывает, о будущем никто не задумался. В итоге осушенные территории, короткое время побывшие золотоносными жилами сельского хозяйства, постепенно превратились в шрамы на лице земли.

Одним из них не так давно была лесомелиоративная система «Червень-2». Система — это, пожалуй, громко сказано: просто обмелевший водоем с обнажившимися берегами. Говорят, его жертвами то и дело становились лесные обитатели. В прошлом десятилетии здесь бушевал серьезный пожар, который уничтожил почти треть близлежащих лесов. И это достаточно типичная картина запустения таких систем.

Болота, говорят специалисты, помимо осушения под пашни и площадки по добыче торфа, использовались и как водоемы для подпитки лесов. Смогли ли они стать таковыми? Большой вопрос. По всей Беларуси, по словам научного сотрудника НПЦ по биоресурсам НАН Александра Козулина, мелиоративных лесных систем, предназначенных для повышения продуктивности леса, около 300 тысяч гектаров. «Две инвентаризации, — на минуту задумывается он, — показали, что треть их неэффективна. Министерством лесного хозяйства этот факт признан, и сейчас идет списание этих водоемов. Только в Минской области списано уже более 70 тысяч гектаров таких территорий».

Но главная беда в том, что лесомелиоративные системы чистят и смотрят лишь до тех пор, пока они числятся на балансе. Дальше они живут своей жизнью, не помогая ни лесу, ни болотам. Александр Козулин называет их пороховой бочкой. И в каком-то смысле это действительно так. «В этом году глубина водоемов здесь снизилась на 60—70 см, — поясняет он. — На поверхность вышел сухой торф, который легко воспламеняется. Кроме того, на верховом подсохшем болоте часто появляются вереск, багульник, ягодники. Значит, сюда приходит много людей. Окурки, упавшая спичка — и здесь уже бушует пожар».

Вообще, пожары, и об этом в один голос говорят экологи и спасатели, — это главный бич территорий после мелиорации. Большинство вышедших из оборота лесомелиоративных систем, где не регулируется уровень воды, горят не реже чем раз в 10 лет (только в этом году 36 возгораний произошло именно на торфяниках). И возвращение этим местам прошлого болотного облика могло бы стать действенным и более дешевым решением проблемы, нежели тушение пожаров.

Помимо того, что пожар несет гибель всему живому, его ликвидация сложна и затратна. Например, в этом году на противопожарные мероприятия из бюджета было выделено около 20 миллиардов рублей. В 2002 году, по данным МЧС, на тушение торфяных пожаров потратили 1,5 млн долларов. В то же время, по словам экспертов, повторное заболачивание стоит намного дешевле. Да и пользоваться его эффектом можно не год и даже не десятилетие. «Самое недорогое и эффективное решение проблемы, чтобы не тратить деньги на предупреждение и тушение пожаров, — убежден Александр Козулин, — поднять уровень воды до естественного состояния. Метод простой и сложный. Если говорить о лесомелиоративных системах, заключается он в том, чтобы перекрыть все каналы каскадным путем. Стоимость повторного

заболоачивания — 50—150 долларов на гектар. Сделал и забыл, потому что возвращенное к изначальному состоянию болото больше вас не потревожит». Подобным образом, кстати, проблема пожаров была решена в России на Мещерских болотах. То и дело отравляющим Москву осушенным территориям просто вернули прежний облик.

Первые шаги в этом направлении делаются у нас благодаря проекту Программы развития ООН и Глобального экологического фонда «Управление торфяниками на основе ландшафтных подходов с целью получения многосторонних экологических выгод» («Торфяники-2»), который реализуется в партнерстве с Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды. Уже многие территории, а последняя из них «Червень-2», снова стали топью.

Но, как говорят эксперты, в будущем решать проблему болот в нашей стране нужно глобально. А пока в этом уравнении слишком много неизвестных. Например, в чей круг вопросов ляжет восстановление болот, ведь они находятся в сфере внимания целого ряда ведомств. Рассматривать этот шаг, скажем, как меру профилактики пожаров пока не получается. Не ясно пока и то, частью какой программы или отдельной программой станут восстановительные мероприятия. Хотя, по мнению начальника управления биологического и ландшафтного разнообразия Натальи Минченко, программа по реабилитации таких земель все же должна работать автономно.

Уже сегодня ясно, что выработанные торфяники, помимо пожарной опасности, ухудшают картину по углеводородам, выбрасывая их в атмосферу более 3,7 миллиона тонн. В то время как естественные болота, напротив, поглощают 1,4 миллиона тонн в год. Экологи провели расчеты: выполнение работ по повторному заболачиванию (с посадкой черной ольхи или без) даже около 200 000 га осушенных торфяников, экономически эффективное использование которых в сельском хозяйстве невозможно, позволит уменьшить эмиссию парниковых газов, по меньшей мере, на 1,5 миллиона тонн в СО₂-эквиваленте ежегодно. А экологический эффект может перерасти в экономический, говорит Александр Козулин: «Если включить эту возможность в обязательный углеродный рынок сокращений выбросов, страна могла бы получать в зависимости от цен от 10 до 30 млн долларов ежегодно».